

11. G. Esping-Andersen (Ed.), *Why We Need a new Welfare State?* – NY: Oxford University Press, 2002. Ch. 1.

12. Ray, R. *Parental Leave Policies in 21 Countries: Assessing Generosity and Gender Equality* / R. Ray, J.C. Gornick, J. Schmitt // Center for Economic and Policy Research Briefing Paper. – 2009.

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, СОЦИОДИНАМИКА: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А.А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Наука и образование – ключевые факторы современной социодинамики, которые определяют не только содержание «внутреннего» мира человека, цели и мотивы его деятельности, поступки и способы самореализации, но и внешнюю по отношению к человеку картину реальности, связанную с определенным типом культурно-цивилизационного развития. Сегодня данный тип рассматривается в рамках стратегии перехода от индустриального к постиндустриальному и информационному обществу, или обществу, основанному на знаниях.

Современные идеологемы общества знания получили свое оформление в лоне концепций постиндустриальной модернизации и становления информационного общества. Данный подход акцентирует внимание на роли и значении информации и знаний, интеллектуально-образовательного ресурса и высоких (научеёмких) технологий в развитии социума. Феномен общества знания следует рассматривать в контексте процессов формирования информационного общества, которые составляют отдельный вектор постиндустриального развития. Именно в информационном обществе информация и знания рассматриваются в качестве важнейшего фактора как экономического, так и социального прогресса. При этом имеется в виду не любое знание, а в первую очередь новое теоретическое знание, что особым образом актуализирует роль и значение фундаментальной науки, естественно, в ее тесной связи с образовательной и производственно-технологической практикой.

Информация и знания в любых типах общества всегда играли исключительно важную и определяющую роль. Применительно же к обществу знания речь идет не столько об этих феноменах как таковых, сколько о нетрадиционных способах производства и культурно-экономической социализации информации и знаний в связи с новейшими достижениями в области когнитивно-компьютерных наук и информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим понятие общества знания нередко отождествляется с понятием экономики знаний, хотя и не сводится к нему. Кроме высокой научеёмкости технологической сферы общества, синергичного взаимодействия био-, нано-, инфо- и когнитивных технологий, в обществе знания актуализируются и другие важнейшие сферы. Например, применительно к области духовно-культурных процессов речь следует вести о ценностях образования, новых возможностях и технологиях его получения. Высокий уровень образования и нравственности, информационной культуры, профессиональной компетентности и ответственности – неотъемлемая характеристика субъекта общества знания.

Понятие "общество, основанное на знаниях" фиксирует тот несомненный факт, что в развитых и быстроразвивающихся странах число людей, имеющих среднее и, особенно, высшее профессиональное образование, постоянно и стремительно растет, как растут престиж науки и ассигнования, выделяемые на нее. Вот мнение политического лидера современных США президента Б. Обамы, высказанное им в одном из предвыборных выступлений: «Сегодня наука играет ключевую роль в нашем выжива-

нии как жителей планеты и в нашей безопасности и процветании как государства; в ее силах замедлить процесс глобального потепления; защитить наши войска с помощью технологий и дать отпор биотерроризму и оружию массового уничтожения; найти спасительные лекарства; перестроить нашу промышленность и создать профессии XXI в. Сейчас мы вновь поставили науку на первое место в нашей повестке дня, чтобы вернуть Америке лидерство в науке и технике. Прямо сейчас – в лабораториях, аудиториях и компаниях по всей Америке – наши ведущие умы гонятся за новым открытием, стоят на пороге прорыва, который перевернет нашу жизнь. Но, как учит история, они не могут справиться с этим одни. Начиная с высадки на Луну и заканчивая расшифровкой генома человека и изобретением Интернета – Америка всегда первая пересекала новые рубежи, потому что у нас были лидеры, которые прокладывали нам дорогу» [1, с. 60].

Проведившиеся в США опросы по рейтингам видов деятельности показали, что наиболее привлекательными в глазах американцев являются общественно-политическая деятельность и наука. Наука занимает второе место в этих рейтинговых опросах, тогда как бизнес в этой главной капиталистической стране мира оказывается на 6-м месте.

А вот пример уже из близкой нам действительности. Согласно опросу взрослых и детей (проведенному Московской службой занятости) об их предпочтениях в практической деятельности, наука по своей привлекательности занимает лишь девятое место. На первых местах оказываются по убывающей такие виды трудовой деятельности, как финансы и страхование, промышленность, торговля, реклама, транспорт, здравоохранение, общественное питание, строительство [1, с. 62]. Данная картина характерна и для других постсоветских обществ.

Постановка вопроса о ценности знания и образования – это свидетельство мудрости и духовной культуры народа. Поиск же ответа на этот вопрос постоянно стимулирует общественное сознание, образовательные и воспитательные институты общества в плане выработки созидательной научной политики, стандартов образования и самообразования, форм и способов реализации интеллектуального потенциала человека. Приобщение людей к созданным пластам знания – это важная, но недостаточная задача. Человечество способно развиваться только в том случае, если оно задается вопросом относительно возможности расширения своего познавательного пространства, необходимым механизмом чего всегда выступала наука. Именно она создает новое знание, реагирует на его социальную востребованность, подсказывает способы и технологии практической реализации.

Вместе с тем, наука всегда находится в определенном социально-культурном и экономическом пространстве. Это пространство предлагает свои правила игры, не всегда совпадающие с идеализированными схемами функционирования науки в обществе. Особенно это характерно для так называемых транзитивных экономик, не способных в силу объективных причин обеспечить необходимый уровень и масштаб научной деятельности. В таких условиях, естественно, нарушается не только материальная база науки, её кадровое обеспечение, но происходит изменение в базисных основаниях культуры, системах ценностей, мировоззренческих ориентациях людей. Подобное стечение обстоятельств способно вызвать и, как правило, вызывает предпочтительное отношение к другим (ненаучным) системам мировоззрения. Результатом этого выступает подмена научно-рациональных форм сознания иными взглядами и убеждениями. Поэтому неудивительна в таких случаях популярность астрологических предсказаний, различных форм оккультного знания, которые по степени воздействия на сознание людей имеют более мобильный характер (в сравнении с научным знанием) в силу их относительной простоты, затруднительной верификации, а также по причине экзистенциальных особенностей психики человека.

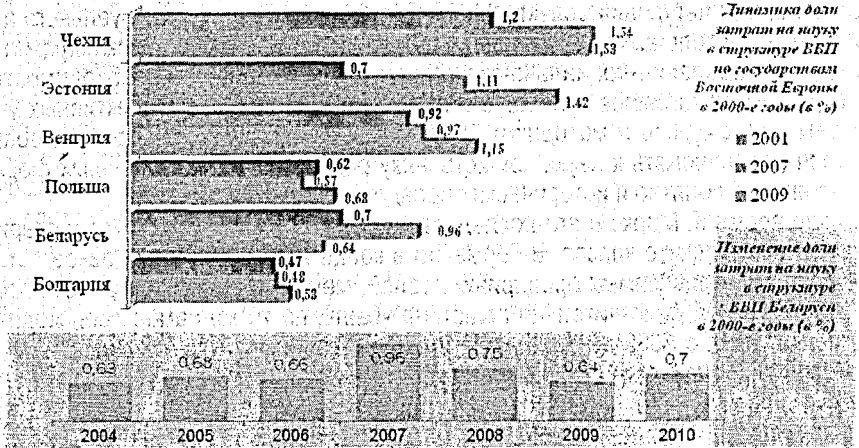
Социально-культурная продуктивность подобных форм интеллектуального продукта весьма сомнительна. Это особенно становится ясно в случае поиска эффективных программ преодоления социально-экономического кризиса, при необходимости разработки новых материалов и технологий, источников энергии, перспективных учебно-воспитательных курсов и методик и т.д. Во всех этих случаях и власть, и общество пытаются апеллировать к науке как источнику рационально-прагматичных форм знания, что вполне понятно и исторически оправдано.

В свое время К. Маркс и его последователи прогнозировали рост пролетариата и исчезновение среднего класса. В Германии в конце XIX – начале XX веков «старый» средний класс независимых предпринимателей, мелких фермеров и работников свободных профессий действительно пошел на убыль, но то же самое происходило и с рабочим классом: с 1895 по 1925 год доля промышленных наемных рабочих в совокупной рабочей силе сократилась с 56,8 до 45,1 процента. Между ними начал появляться новый слой – получающих жалованье служащих, занятых в офисах и на инженерно-технических должностях. В очерке, написанном в 1912 году, Э. Ледерер назвал упомянутую группу «новым средним классом». Больше десятилетия в немецкой социологии бушевали дебаты по поводу характеристики этого «нового среднего класса». Однако как бы к нему не относились, одно было очевидно – наметились тенденции к росту численности работников умственного труда.

Если в начале XX века численность работников физического труда была в десятки раз больше, чем численность белых воротничков, то во второй половине века (период постиндустриального развития и становления информационного общества в наиболее развитых странах мира) начался стремительный рост численности последних. Например, в США в период с 1947-го по 1964 год численность специалистов и технического персонала увеличилась с 3,8 млн. до более чем 8,5 млн. человек. В рамках класса специалистов самую значительную группу составляли преподаватели. Общая численность преподавателей государственных и частных учебных заведений в США увеличилась с примерно 1,3 млн. в 1954/55 учебном году до 2,1 млн. в 1964/65-м и 2,8 млн. человек в 1970-м. Преподаватели составляли около 25 процентов всех лиц, включаемых по переписи в категорию специалистов и технических работников. Численность инженеров в период с 1950 по 1966 год увеличилась более чем на 80 процентов – с 535 тыс. до примерно 1 млн. человек, основными причинами чему были рост наукоемких отраслей промышленности, таких, как электроника, космическая и ракетная техника, научное приборостроение, ядерная энергетика и компьютерная техника, а также увеличение периода времени, требуемого для разработки и производства продукции в связи с усложнением процессов производства. Число ученых с 1930 г. по 1965 г. возросло с 64 до 475 тыс. Иначе говоря, если с 1930 по 1965 год численность всей рабочей силы страны увеличилась приблизительно на 50 процентов, то число инженеров возросло на 370 процентов, а ученых – на 930.

А вот уже показатели сегодняшнего дня: почти 90% трудозанятых в США имеют высшее образование. Из них примерно 60% – со степенью бакалавра. В Японии серьезно рассматривается весьма амбициозная программа стопроцентного высшего образования для всей молодежи. Все эти показатели могут явиться убедительным объяснением того, почему названные и другие развитые страны мира достигли сегодня огромного научно-технического и технологического успеха, сформировали конкурентно способную экономику знаний, выступают лидерами многих социальных и культурных инноваций.

Одним из главных показателей приоритетности научного потенциала любой страны является доля затрат ВВП на научные исследования и разработки. Для примера приведем статистику затрат на науку в структуре ВВП некоторых восточноевропейских государств:

Как известно, наукоёмкость ВВП в Великобритании и Франции составляет более 2%, а в США и Германии – около 3%.

По удельному весу фундаментальных исследований в затратах на науку Беларусь приближается к уровню ведущих стран (США – 18%, Италия – 22%, Франция – 25%), но несколько уступает по соотношению расходов на фундаментальные и прикладные исследования, а также на разработки по всем наукам – в 2008 г. 1:1,5 по сравнению с мировым показателем 1:2 [2, с. 55].

Важный показатель перехода к обществу, основанному на знании, – доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте страны. С 2006 г. в Республике Беларусь они начали снижаться, однако, по предварительной оценке ЮНЕСКО, остаются сопоставимы с мировыми показателями (Швеция – 7,8%, Франция – 5,8%, Германия – 4,6%, Канада – 5,5%, Польша – 5%), которые являются порогом эффективности, позволяющим обеспечивать экономический рост на инновационной основе [2, с. 57].

Исходя из вышеизложенного, следует признать в качестве особой государственной и гуманитарной задачи – актуализацию ценностей науки и образования как основы компетентности, креативности и безопасности человека и общества. Новая социокультурная функция образования и науки предполагает трансформацию ряда стереотипов в области организации и управления, производства, социальных отношений, межличностных и культурных коммуникаций.

Указание на исключительную важность знания не означает призыв к созданию общества виртуальных ценностей, в котором блуждает некий мифический образ информации и знания, а собственно производство, или так называемый реальный сектор экономики, вообще не принимается во внимание, или ему отводится второстепенная роль. Разумеется, это не так. Без индустриального производства, без реального сектора экономики не может существовать и развиваться ни одно государство. Речь идет о том, какова их эффективность. А этот показатель сегодня напрямую зависит от наукоёмкости и высокой технологичности производства. Переход к обществу, основанному на знании, не означает тотальное сокращение индустриального производства и не носит характера общей тенденции. Все зависит от того, на какой стадии развития находится то или иное государство. Есть страны, которые в 1970-е годы вошли в фазу постиндустриального развития и где сегодня удельный вес промышленности довольно высок: в Германии, к примеру, 29% ВВП, в Японии – 32%. В США он очень низок – около 12,5%. Но, как пишет известный теоретик постэкономического общества В.Л. Инноземцев, «вся промышленность Запада, за исключением пошива кофточек, стала высокотехнологической: доля технологических факторов в стоимости конечной

продукции варьирует от 30 до 60%... Наступила эпоха, в которой уходит типичное разделение труда, описанное Марксом, производственный примитивизм. В ней гораздо больше проявлений того, что наука становится непосредственной производственной силой, а экономический выигрыш обусловлен тем, сколько интересных инновационных решений применено. Они могут быть технологическими, социальными, организационными. Но общество остается производящим, а производство – оснащенным машинами [3].

Кроме того, сегодня следует иначе взглянуть на ценность не только материальных феноменов, но и «духовно-идеальной материи», к которой, несомненно, следует отнести знание и сознание человека, его мировоззрение и мироощущение, со всеми вытекающими отсюда интенциями, которые (и только они) в последующем способны стать фундаментом креативной практической деятельности человека, в том числе и материально-производственной. Это особенно актуально для развивающихся индустриальных государств, которые в силу различных причин заметно отстают в научно-технологическом отношении от наиболее передовых государств мира.

Иногда можно встретить мнение о том, что эволюционно не завершив индустриальный цикл развития, невозможно перейти на новую (постиндустриальную) стадию. Теоретически это так. Но согласившись с этим, следует согласиться также и с тем, что в таком случае развивающимся странам, в том числе и Беларуси, предначерчены лишь вторые, догоняющие роли, ибо мир не стоит на месте. Те, кто сегодня впереди, завтра будут еще более недосыгаемы.

Поэтому нужно искать другие, более приемлемые для нас, сценарии развития. Современная практика социально-экономического и научно-технологического развития подкашивает такие сценарии модернизации. Речь идет о том, что в условиях современной интеграции и позитивной глобализации наиболее успешно коммуницируют информационно-интеллектуальные ресурсы, что выступает важнейшим условием кристаллизации собственной (национальной) инновационно-технологической инфраструктуры. Но для этого в обязательном порядке необходимо всячески стимулировать и поддерживать науку и образование, а лучше – делать на них ставку, что и будет означать как стремление к созданию общества, основанного на знании. Необходимо это, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, таким образом сохраняется и развивается интеллектуально-культурное пространство внутри страны, которое выступает условием развития теоретического знания и фундаментальной науки в целом, условием принятия компетентных решений и выстраивания инновационной системы управления. Во-вторых, только на этом фундаменте можно строить национально-технологические модели модернизации, соответствующие лучшим мировым аналогам, или опережающие их.

Список цитированных источников

1. Ракитов, А.И. Наука, образование и супериндустриальное общество: реалистический проект для России // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 60–69.
2. Соколова, Г.Н. Состояние и использование человеческого капитала в Беларуси / Г.Н. Соколова // Наука и инновации. 2010. – №7.
3. Иноземцев, В.Л. Будущее России в новой индустриализации / В. Иноземцев // Экономист. – 2010. – №11. – С. 3–15.
4. Деминг, Э. Выход из кризиса / Э. Деминг. – Тверь: Альба, 1999. – 497 с.
5. Дракер, П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 67–100.
6. Кин, Дж. Средства массовой информации и демократия. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – 170 с.
7. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 669 с.
8. Статистические профили информационного общества / – 2009 год, СНГ. – Женева, 2009.